

IN THE GRIM DARKNESS OF THE FAR FUTURE THERE IS ONLY WAR!

WORDS OF BLOOD

EDITED BY MARC GASCOIGNE & CHRISTIAN DUNN

WARHAMMER
40,000

- Cvoboga (Deliverance)
-

Свобода (Deliverance)

История Кейджа.

Тюремный надзиратель Сэрпиваль
Ланс подавил зевок и забился немного
глубже в будку часового, чтобы укрыться
от ветра и пыли. Постоянные бури были
над крышей башни, заслоняя все, кроме
красных огней, которые мерцали по краям
посадочной площадки лишь в десятке
метров. Он был на дежурстве в течение
трех часов, и еще три оставалось, и он
посмотрел с завистью на свет, сияющий
под дверью вахты слева от него. Вот он,
закатавшийся в теплое пальто, капюшон
плотно облегает его лицо, а другие в это
время смеются и играют в карты внутри.
Это не правильно по отношению к человеку
его возраста. Он служил Императору на
этой планете-тюрьме тридцать лет и до
сих пор ему приходилось торчать на улице
в такие забытые Им ночи.

Его

человеконенавистнические

размышления были прерваны, когда
внутренний комм-спикер зазвонил позади.
Он нажал руну приёма и наклонил большую
спину, вслушиваясь.

«Он будет здесь в течение нескольких
минут» — голос капитана охраны
потрескивал на линии. Сэрпиваль
признательно крякнул и бросил взгляд на
облака, покрывавшие небо. Незадолго до
этого ожил посадочный маяк, направляя
низкой энергии лазер, пронизывающий
трак из центра посадочной площадки.
Вскоре затерцали во тьме ответные огни
спускающегося шатла, вой его моторов
стал четче, приближаясь и заглушая шум
ветра.

Лязгнув посадочными шасси по
металлической сетке на крыше, шатл
успокоился, его двигатели взревели,
подняв еще более дикие вихри пыли, чем до
снижения. Неуверенно колеблющиеся тросы
выступили из стыковочной области и
протянулись к шатлу. Люк открылся,
ударившись о корпус шатла, и показалась
высокая фигура в униформе. Из башни
вышли трое охранников и встали, глядя на

сверткой пролет. Офицер Имперской Гвардии сказал им что-то и указал внутрь корабля. Охранники козырнули и, моментом позже, поспешно вышли, таща тяжелый сверток.

Любопытствуя, зная, что это является нарушением правил, но не способный остановить себя, Сэрниваль вынырнул из сторожевой будки и поспешил через крышу к другим. Они несли человека, валяющегося без сознания, одетого в десантные брюки и темный свитер. Когда они в занесли его в комнату, человек коснулся головой Сэрниваля, и охранник подавил дрожь при виде его лица. Оно было в ужасающих шрамах, пересеченным рубцами и порезами, следами от пуль и ожогов.

«Губернатор получил все официальные уведомления. Заприте этого с остальными» — сказал офицер коротко, прежде чем развернуться на каблуках и пойти к шатлу.

В этот момент новый заключенный застонал и пришел в себя, потая головой. Другие опустили его на пол, глядя в спину, удаляющемуся офицеру. Имперский

зваргеец встал, пошатываясь и хлопая ресницами.

«Какого фрага, где я?» — спросил он, все еще слегка дезориентированный.

«Гобул винкүларүм» — ответил ему Сэрпиваль.

«Планета-тюрьма?» — уточнил мужчина, глаза его остановились на Сэрпивале, из-за чего охранник скривился, как будто глядя в дуло лазгана.

«Да, тюрьма» — подтвердил охранник, нервничая под злобным взглядом новичка.

Именно тогда заключенный посмотрел туда же, что и остальные. Офицер только вошел в люк...

«Давай сюда, үблюдок! Шеффер, күсок дерьма!» — заорал вновь прибывший узник, грубо отталкивая Сэрпивала в сторону и сделав шаг к выходу на посадочную площадку. Офицер повернулся, посмотрел один раз и затем захлопнул люк без слов. Заключенный бросился бежать, крича что-то невнятное, и охранники бросились за ним.

Сначала Шранк попытался поймать

его, заломив левую руку. Заключение, споткнувшись, восстановил равновесие, а затем ударил растопыренными пальцами правой руки в лицо Шранка, который отступил и закричал, закрывая руками глаза. Франц замахнулся правой рукой для удара, но гвардеец легко качнулся влево, коротко ударив в колено сотрудника тюрьмы, выбив его в грубую сторону, что заставило упасть охранника на пол с криками агонии.

Двигатели шатла снова взревели, купаясь в белом свете, заключенный встал напротив них, поднял кулак, шум заглушил слова его ненависти.

Сэрпиваль и оставшийся охранник, Жансен, достали свои пистолеты и прицелились в узника, который наблюдал за уходящим шатлом с по-прежнему поднятым кулаком.

«Попробуй еще что-нибудь выкинуть, и я тебя размажу, подонок!» — крикнул Жансен.

Заключенный медленно обернулся, лицо его осветилось огнями посадочной площадки, залил его шрамы адскими

красным заревом. Постепенно человек пошел к ним, и Сэрпиваль с трудом сохранял спокойствие, твердой хваткой сжав пистолет, пока незнакомец медленно шагнул к ним с четко выраженными на лице преступными намерениями. Он остановился в паре метров от них.

«Просто запри меня в мою фразовую клетку прежде, чем я отниму у тебя эту пушку» — рыкнул мужчина, кивая на оружие Джансена.

«Заключенный должен лежать лицом вниз и делать, как я говорю» — не очень уверенно произнес Джансен.

«Кейдж» — сказал арестант, взглянув в свою очередь на каждого из охранников, а затем легко протиснувшись между ними и оглянувшись через плечо на Сэрпивала. «Зовите меня Кейдж».

Я стою, желая, чтобы этот скучный диалог просто заткнулся. Тюремный губернатор, мужчина с кислой физиономией, злобным хорьком сидит за массивным столом. Столешница говорит сама за себя — три метра в длину, два

метра в ширину, выжженный имперский
орел на поверхности, но в остальном ---
пустая. Он сидит за ней, опершись
локтями на красное дерево, положил
подбородок на сложенные ладони, и
жужжит и жужжит и жужжит. За ним
двое охранников с пушками, и я знаю --- еще
два позади меня, так же вооружены. Они
действительно не доверяет мне, здесь, у
своего начальства.

«Именно поэтому вы будете
придерживаться этих правил всё время» ---
губернатор Скандлегрист всё говорит и
говорит, глядя на меня сквозь очки-
полумесяцы. Он одет в мантию черного и
темно-красного цветов, странно
сочетающуюся с цветом стола.
«Наказания за нарушения будут
варьироваться в зависимости от тяжести
преступления. Я имею специальные
инструкции от полковника Шеффера не
спускать с вас глаз, Кейдж, и буду
поступать именно так. Я буду наблюдать
за вами как коршун, и если вы
переступите границу дозволенного --- я
обрушусь на вас со всей силой своих

полномочий. Будьте осторожны, вы
находитесь под пристальным
наблюдением, так что не думайте, что
сможете остаться безнаказанным»

«Ага, без вариантов» — безрассудно
встречаю я, делаю шаг вперед, и это
приводит к тому, что охранники
потянулись к оружию. Но крайней мере, они
уделяют мне больше внимания, чем я —
им. «Могу я просто получить сейчас свою
камеру?»

«Ваше неуважение к командиру
шокирует, Кейдж, как и ваше
пренебрежение законами и правилами
Имперской Гвардии» — ответил
Скандлегрист. «Вы прогнали насквозь,
Кейдж, и я понятия не имею, почему
полковник Шеффер хочет, чтобы вы
находились на этом объекте, а не
болтались на виселице, как вам следовало
бы, да, не имею ни малейшего понятия. Но,
в отличие от вас, у меня есть приказы, и я
им следую и буду следовать, запомните
мои слова. Да, я буду наблюдать за вами,
Кейдж, очень внимательно, действительно
внимательно»

Раздраженным жестом тонких пальцев он приказывает охранникам сопроводить меня. Мы в верхней части башни, может быть, всего на пару этажей ниже посадочной площадки на крыше. В целом, башня — широкий цилиндр, только с одним лифтом в центре, связывающим все этажи. Мы стоим там, пока лифт с грохотом поднимается из глубин башни, охранники по-прежнему волнуются и суетятся.

Когда лифт прибыл, один из охранников открывает визжащие от ржавчины двери под зубодробительный скрип шарниров. Приклад в спину подталкивает меня внутрь открытой железной клетки, и они идут за мной, не находясь слишком близко, опустив пушки к бедру. Один из них нажимает кнопку, как я заметил — восемнадцатого этажа, и мы, содрогаясь, начинаем наш путь вниз по шахте.

«Шранк был моим другом, ты, кусок гнилого мяса» — шипит мне на ухо один из охранников сквозь звук тяжелых механизмов. «Я собираюсь сделать так,

что бы ты заплатил за его ослепление»

Я оборачиваюсь, смотрю на него с покровительственной улыбкой.

«Только попробуй что-то сделать, я вырву твою руку и засуну ее в твой большой рот» — говорю я, встречая его взгляд и заставляя вздрогнуть.

«Я бы!..» — говорит он, быстро приходя к себе. Прежде чем я понял, что он делает, он бьет прикладом своей пушки мне прямо в подбородок, моя голова ударяется о железную решетку, опоясывающую лифт. Подходит другой и припечатывает ботинком в живот, так что у меня дух перехватывает, в то время как первый бьет в мое лицо еще раз, попадая по правой щеке. Получаю еще три-четыре удара. Я принимаю их тяжесть на плечи, пока они не отодвигаются назад, тяжело дыша.

Я приседаю на мгновение перед тем, как выпрямиться, чувствуя, что правый глаз начинает раздвигаться. Поворачиваюсь, слышу со слыханным щелчком и смотрю на каждого из них по очереди здоровым глазом. Внимательно, запоминая значки с именами на мундирах.

«Я убью вас всех, репозоловые, и буду
делать это медленно» — я предупреждаю
их, уверенный в каждом слове.

Как только я захожу в камеру, дверь
позади меня закрывается. Грубые
двухъярусные койки по обе стороны
комнаты, левая уже имеет хозяина. Он
фыркает и просыпается, садится.
Огромный мужик, похожий на медведя.
Когда грубое шерстяное одеяло падает от
туловища, оно открывает массу волос на
его широкой груди, плечах и спине. Он
смотрит на меня в тусклом свете
заходящего светила за решеткой под
потолком, темные глаза почти
незаметны из-под густых бровей. Его
волосы коротко подстрижены, как и борода,
над правым глазом у него татуировка
пары изгнутых костей, такая же на левой
щеке. Он тяжело кряхтит и
поворачивается.

«Добро пожаловать в Тобул» —
говорит он хриплым шепотом.

Я игнорирую его, сидя внизу на другой
кровати, обслуживая растущие синяки на
груди и ребрах.

«Охрана тебя не любит, мужик» --- комментирует мой сокамерник, и я смотрю на него снизу вверх.

«Меня никто не любит» --- говорю я тихо. «Мне так нравится. Ставим всё на свои места. Я и все остальные. Фраз, даже я себя не люблю»

«Зубы Тора, мужик, ты пытаешься подбодрить меня шуточками, когда грустой человек жаловался бы» --- его толстые губы скривились в кислой устешке. «Мое имя Марн»

«Кейдж» --- говорю я, предлагая рукопожатие. Когда он наклоняется вперед, я вижу, что он действительно волосатый. Он берет мою руку в свою тяжелую лану, крепко сжимает, чтобы я не вывернулся. Мы сидим пару секунд, проверяем друг друга.

«Ты не устроишь мне каких-либо проблем, а, мужик?» --- спрашивает он, отпуская. «Я предпочитаю одиночество, и, если ты поступаешь так же, ты прекрасно поладишь»

«Я не любитель болтать и сплетничать» --- успокаиваю я его. «В

самом деле, если это последние слова, что мы говорим друг другу, не беспокоят меня больше»

«Ага» --- отвечает он, потирая рукой лоб по голове и ложась на свое место. «Тебе не стоит заходить так далеко, но мы не сокамерники, а не грузья»

«Да, черт возьми» --- снимаю сапоги и ставлю их аккуратно под кроватью. «Все мои грузья давно умерли»

Скидываю носки и рубашку, забираюсь под одеяло и закрываю глаза. Я устал, как пехотинец после недели марша, но сон не приходит. Мой ум перебирает последние события. После того, как полковник опять меня схватил, я был в камере на борту «Гордости Ломоса». Должно быть, несколько недель путешествия, думаю, я пересек немало систем. Я не видел полковника, пока не оказался здесь, и он оставил меня гнить в этой камере.

Император знает, что у него припасено для меня. В конце концов, последнее, что я услышал, было «Я могу застрелить тебя прямо сейчас, или я могу дать тебе еще один последний шанс». Я

горячо согласился, конечно, учитывая, что
он наставил тогда на меня пистолет. Но
это всё, что я знаю. У меня есть еще один
последний шанс. Я полагаю, это просто
поглена понятий в отраде самоубийц
полковника, Тринадцатом Штрафном
легионе. Еще одна самоубийственная
миссия или две, еще один шанс подорвать
свою задницу в какой-нибудь адской дыре,
борьба с какими-нибудь чужаками или
еретиками, которые должны получить
усвоить, что такое воевать с армиями
Императора. Может быть, я буду
взрывать город, кто может знать точно?

Также я знаю, что если бы полковник
хотел просто сгноить меня в камере, он
оставил бы меня в тюрьме на планете, с
которой впервые подобрал меня. А если бы
он хотел, чтобы я умер, он лишь нажал бы
на курок и разорвал мою голову на кусочки.
У него что-то припасено, я в этом уверен.
Но я действительно не планирую торчать
тут, когда ЭТО произойдет.

Провожаемый этими размышлениями
и глупым храпом Марна, я начинаю
проваливаться в сон.

Стук тарелок и мисок заполняет столовую, когда заключенные садятся вместе с едой. Я сижу на скамейке за длинным деревянным столом, для двадцати из нас по каждую сторону, передо мной миска супа, кусок черного хлеба и тарелка того, что могло когда-то быть мясом, но в настоящее время напоминает кожаную подошву. Мы сидим и терпеливо ждем. Примерно полтинуты до того, как священник Клетор начнет проповедь. Он делает ее короткой, как обычно, благословенный Императором дряхлый пердун, бормочет что-то о милости веры и наказании за грехи. Так же, как он делал за последние шестнадцать дней, что я здесь. Он заканчивает.

«Слава Императору» — торжественно говорит мы до того, как схватить ножи и ложки и с удовольствием накинуться на пищу. Еда на вкус дерьмо, но когда вы получаете только холодную кашу на завтрак и эту грязь через двенадцать часов, вы будете есть то, что они поставят перед вами. Она достаточно

разнообразна, но правде говоря. Иногда непонятное мясо зажарено до угля, в другое время оно сырое и сочится кровью, я клянусь, эта фрагова штука, наверное, еще дышит. Никогда что-либо не делается наполовину, никогда не приготавливается хорошо. И прозрачная, водянистая рвота, которую называют супом, вероятно, тоже получилась из какого-то животного. Не останавливайте меня, когда я поглощаю все это до последней капли, вместе с куском грязи размером с кулак, заменяющим хлеб. Это лучше, чем ходить голодным, как я узнал из двух лет белковой диеты в моем последнем турне Последнего Шанса.

Марн сидит напротив меня, жадно пожирая еду. Кровь Тора, как он быстро ест. Ни грамма впустую, всё попадает в его пасть с беспощадной эффективностью. Это смотрится как работа хорошо смазанной машины — обе руки работают одновременно, челюсти постоянно жуют, тратя лишь долю секунды, чтобы раздвинуть губы, с дрожью пропустить следующую ложку. Тридцать секунд, и он

заканчивает, а я ем только половину супа, больше ничего. Император знает, как он остается настолько большим на таких скудных пайках, потому что он, должно быть, весит по крайней мере в полтора раза больше, как я.

Все мы едим молча, никто на самом деле не имеет что-нибудь сказать. Странно сравнивать эту тюрьму с жизнью на «Гордости Лотоса». Было под гвем таких, как мы, в каждой из тех тюрем, и мы довольно сильно ненавидели друг друга. Но мы были боевой единицей, мы были в эскадронах и взводах, и из этого следовало какое-то единство. Все находились в маленьких группах, которых держались, внутри которых говорили, чтобы не сойтись с ума и не перерезать себе горло или вышибить мозги в следующий раз, как мы пойдем в бой. Ну, я помню, когда мы впервые попали на Учар 4, первую зону военных действий, где мы были развернуты, было восемьдесят-девяносто хороших солдат, повесившихся в первую неделю. Я не знаю, было ли это влияния борьбы с тиранидами, или осознание того,

что они застрянут в одной глинной войне, пока не сдохнут, без передышек и прощенья. Но крайней мере, без прощенья и возвращения.

Здесь каждый сам за себя. Здесь вы и ступная связь с сокамерником, вот и все. Это сводит меня с ума, ошибки нет. Я просыпаюсь с первыми лучами светила, когда рассветает на поверхности за пределами камеры. Я ни разу не смог встать поспать, я просыпаюсь даже от кашля котара. Я лежу так, может быть, часа три до подъема на завтрак. Потом нас подымают, сгоняют улываться вниз, в комнату со шлангом, и мы приходим сюда, в столовую в нижней части башни. Она принимает всегда — небольшое число заключенных и в два раза больше охранников в лифте за один раз. Это действительно неэффективная система для перемещения большого числа заключенных по кругу. Может быть, я буду подавать жалобу губернатору. Впрочем, это лучшая часть часа, что двести или около того заключенных проводят в зале, а затем мы все по очереди получим свои

потом. Мы сидим там, пока охранники
раздают ножи и ложки, а проповедник
шагается вокруг, размахивая
благовониями в ржавой горелке, которая
обычно висит на поясе, окрашивая его
белые одежды коричнево-оранжевым. После
пять минут, чтобы поесть, потом наго
ждать, пока они пересчитают ножи и
соберут ложки и посуду. Потом опять в
группах по двадцать поднимается в зал
для физических занятий на одном из
средних уровней на два часа. После этого —
в тихую компанию Марна на девять часов,
пока вся тука не повторится на ужин.
Потом мы замираем и затишья.

Загница Святого Дуаса, я схожу с
ула. Весь мой склеж о самоубийственных
миссиях сдуло в сторону, я бы лучше был с
полковником и занимался чем угодно, чем
застраивать здесь и медленно стареть, с
тозгом, лезущим через уши. Решение
крепнет. Еще месяц здесь, и я буду
размазывать свое серое вещество на
стенах этой ячейки, стоя над разогранным
труном Марна, крича и проклиная иля
Шеффера от бездны Хаоса и обратно. Я

должен выбратся из этой фразговой башни.

Восемнадцатый день, и мое отчаяние
начинает расти. Прошлой ночью храп
Марна сводил меня с ума. Я не могу спать
при нем, даже загрузив себя теми
двухчасовыми упражнениями, я устаю не
до такой степени, чтобы отключиться. Я
чувствую себя вялым, это бездействие
медленно убивает меня. Если полковник
придет за мной, в чем я начинаю
сомневаться с каждым днем всё больше и
больше, я буду дряблым, бесполезным
куском грязи, а не худощавым здоровым
солдатом, каким он привез меня сюда.
Естественно, он не даст такому хорошему
бойцу погибать впустую, как тут. Во
всяком случае, Марн храпел, как клаксон,
его дыхание эхом отражалось от стен,
пробираясь через уши прямо в мозг. Я
встал, и мои пальцы были в сантиметрах
от его горла. Черт, он даже не ничего не
поймет, когда мои костяшки разорвут ему
горло прежде, чем он проснется. Я бы,
вероятно, сделал ему одолжение. Должно
быть, я стоял над ним в течение часа.

борясь с желанием убить.

Я выплескиваю свой гнев на песок, набитый в спортивные груши, стучу кулаками в плохо дубленную кожу, чередуя в воображении волосатое лицо Марна и точеные черты лица полковника. Просто они и я, и я бью и бью, отрабатываю пинки и перекрестные удары, броски с переломати, удары, крушащие внутренние органы, удары ногами, которые врезаются людям в живот и разбивают ребра на дюжину осколков. Я представляю все это в воображении, и это легко, потому что я сделал это с настоящими людьми и видел последствия. Я представляю текущую из ноздрей Марна кровь после моего удара локтем в нос. Я представляю полковника, у которого дыхание перехватило от удара моей левой руки прямо в его брюхо. Снова и снова наказываю их кулаками и ногами, так что даже мои мозолистые пальцы кровоточат, толстая кожа стерлась об неуклюже сделанную грушу. Пот льется с меня ручьями, чувствую, как он катится сзади, разбрызгиваясь вокруг меня, когда я колочу Марна прямо в его тохнатые брови.

Сердца стучит в груди, разгоняет кровь по
всему телу, упиваясь уничтожением этих
двух ненавистных мне мужчин.

Вдруг я осознаю, что кто-то стоит
за моей спиной. Я разворачиваюсь,
поднимаю кулаки. Это грубой
заклоченный, я, конечно, видел его здесь
каждый день, но не знаю его имени. Марн —
единственный человек здесь, имя которого
я знаю. Этот немного выше меня, с
мышцами, выпирающими из-под его
рваного жилета, словно валуны. Выглядит
так, будто он вырезан из камня, а не вырос.
На лысой голове — татуировка в виде
синего огня, такая же на массивных
мышцах груди и бицепсах.

«Ты тут уже долго. Моя очередь,
пехтура» — говорит он, кивая на
окровавленную грушу. «Я думаю, она уже
осознала, что не нравится тебе»

«Я тут еще не закончил» — огрызаюсь
и разворачиваюсь обратно на позицию.

«Тебя забыл спросить» — лает он,
толкая меня в сторону, чуть не сбивая с
ног.

«Свали на фраз, или я тебя урою» —

предупреждаю я, выпрямляясь.

«Уди играть с дружити, красавчик» — и смеется.

Он перестает смеяться, когда растопыренные пальцы моей правой рукой впиваются ему в глотку. Он отступает, и я сразу продолжаю, нанося хук слева в челюсть, и лицо его уже покраснело от удущья, а затем ловлю его подбородок правой рукой. Я слышу крики вокруг меня, но не вслушиваюсь, вместо этого фокусируюсь на сволочи прямо передо мной. Он остервенело молотит меня, заставляя поднырнуть, и, когда я поднялся, мой правый кулак врезается ему прямо в нос, разрывая ноздрю и разбивая хрящ. Он отступает к голой каменной стене, и я скорее чувствую, чем вижу, что заключенные и охранники собираются вокруг нас. Зов крови в моих ушах затмевает их рев.

Закрученный удар в диафрагму отбрасывает его к стене, где он пристал ко мне, и я вкладываю весь свой вес в следующий удар, пришедший ему между глаз и разбивающий голову о неумолимый

камень, оставляющий за собой кровавое пятно, когда он валится набок.

«Хватит уже» — слышу я и рука охранника в перчатке хватается мое запястье. С помощью простого поворота рук я захватываю его локоть, даже не оборачиваясь, а каблук моего левого ботинка снова бьет заключенного, давя его челюсти и щеки, вдавливая голову в стену еще и еще. Он повалился на пол, и я припечатываю его по шее, чувствуя, что спинной хребет трескается, как веточка. Потом что-то твердое бьет меня сзади по шее, заставляя упасть на колени. Я вижу глубинку напротив и чувствую лбом острую боль, прежде чем упасть без чувств.

Я снова вытянулся напротив губернатора, шишка на лбу размером с Терру, и до сих пор я чувствую себя неважно. Тут со мной на этот раз шесть вооруженный парней, полагаю, губернатор не хотел рисковать.

«Уверен, мне не нужно рассказывать, что такое поведение совершенно неприемлемо, совершенно неуместно на

военном объекте, будь то гарнизон или тюрьма» — говорит он мне.

«Я хорошо понимаю давление, возложенное на наших заключенных, а также то, что иногда оно приводит к взрыву. В самом деле, с учетом нашего «населения», я ожидаю случаи такого рода в любое время от времени. У нас здесь содержатся высококвалифицированные агрессивные солдаты, и взрыватель может быть очень коротким, если не будет выхода профессиональной злобы. В большинстве случаев я мягкий и понимающий»

«Это действительно широкий кругозор, сэр» — говорю, подавляя желание почесать шишку на лбу.

«Однако» — Скандлегрист продолжает, хмурясь от досады — «Мы не можем терпеть смерть другого заключенного от вашей руки. Борьбу и драки я считаю неприятным, но необходимым злом для нормального функционирования. Убийства — нет. Убийства, хладнокровные или нет — не вариант, и пример приведен вами же»

«Это смешно» — фыркаю и

зарабатываю еще один взгляд губернатора.
«Меня учили убивать. И я это делаю. Что
вы хотели? Это просто часть борьбы,
разве нет?»

«Вы обучены воевать и убивать по
приказу, Кейдж» — защелкал губернатор
тюрьмы, стоя с перекошенным лицом.
«Вас учили быть дисциплинированными
убийцей, чтобы уничтожать врагов
Императора в соответствии с приказами
начальства. Вы не были обучены убивать
каждого мужчину или женщину, которые с
вами не согласны. Вы пересекли черту,
Кейдж, и даже не заметили этого. Если я
не могу убедить вас, вероятно, кнут
может. Властью Имперского
Комиссариата на этой планете, я
назначаю вам две дюжины ударов, которые
будут нанесены завтра перед завтраком на
глазах других заключенных. Я мог бы, и
это было бы по правилам, казнить вас за
это отвратительное деяние, но, учитывая
данные мне полковником Шеффером
конкретные приказы, я не могу это
сделать. Уведомите его!»

Он разворачивается на каблучках и

закладывает руки за спину, игнорируя меня, пока охрана хватает меня за руки и грубо выталкивает из комнаты.

«Костас будет доволен» — говорит один из них. Я помню это имя, это был охранник, который напал на меня в лифте.

Торжественное удары барабана эхом прокатываются по залу, в стенах которого собрались заключенные и охранники. С одной стороны висит деревянная скамья с гвутья цепями из толстых колец, губернатор рядом с ней. Двое охранников идут передо мной, четверо позади — мой экспорт. Под медленный марш мы пересекаем холл в такт барабану. Я смотрю в море лиц, не узнавая ни одно из них, они — просто пятно разноцветной плоти, сливающееся с серостью тюрьмы.

«Заключенный и эскорт, стой!» — командует губернатора, и голос его неожиданно громкий и сильный. Мы все остановились, одновременно лихо припечатав сапогами доски пола.

«Заключенный, вперед!» — приказывает мне губернатор, и я резко шагаю, глядя на цепи деревянной доски. Я

изображаю орла на доске, два охранника
выходят вперед и щелкают наручниками
вокруг моих запястий, перед тем как
потянуть вверх сети, растягивая меня, и
крепежные болты ввинчиваются в верхний
край доски. Один из них предлагает мне
кожаный ремешок, я открываю рот, и он
помещает его между зубов. Это не первый
раз, когда я подвергаюсь порке. Я знаю
обычай. Крепко впиваюсь зубами, ступное
ощущение, что рот забит кожей.

Я слышу топот сапог охранников и
сосредотачиваю свое внимание на куске
древесины передо мной. Дерево было весьма
бледным, но темно-красные пятна чернели
в расщелинах и в углублениях. Ошибки
нет, это кровь тех, кто уже был наказан
так. Есть несколько отметин выше моего
правого плеча, но я не могу пригнать,
отчего они появились.

Именно сейчас я понимаю, что
губернатор что-то говорит.

«... в соответствии с положениями
Имперской гвардии» — слышу окончание
речи.

Шипящий свист позади и короткий

удар, вызывающий жгучие слезы боли, когда конец кнута вырывает кусочек кожи на моей лопатке. Сильнее вгрызаюсь времень, глаза распахиваются от боли, вгрызущей мою спину. Кровь еще не течет, это будет ударов через пять, прежде чем рубцы превратятся в раны. Еще свист и удар, и еще больше боли, на этот раз дальше, вдоль моей спины. Грубо, боль, кажется, уже начинает распространяться вокруг. Я игнорирую ее, сейчас это просто. Было больнее, когда костяной меч тиранига-воина застрял в моих ребрах во время Освобождения. Было чертовски больнее, когда спора-тина взорвалась у моего лица, изуродовав меня до конца жизни и сделав часть лица недвижимой. Еще свист и удар, и боль снова врывается в плечи. Я не знаю, тот ли это охранник, который напал на меня, но, кем бы он ни был, он свое дело знает. Еще четыре раза плетью ударяет по моей спине, я могу чувствовать, как струйка крови сочится из рваной плоти.

Я закрываю слезящиеся глаза, пока охранник стегает, методично, беспощадно

отрывая полоски кожи и жира с моей спиной. Я теряю счет ударам и вновь открываю глаза, глядя вглубь доски, ощущая ожоги боли по всему телу. В короткий перерыв между ударами я смотрю вверх и вижу кровь, текущую из моих сжатых кулаков, и цепи, которые сжимаю так, что ногти впились в кожу. Я их расслабляю лишь для еще большего напряжения, когда меня поражает следующий удар.

И так оно идет, пока приговор осуществляется. Мои глаза слезятся, горло сжимается и сердце колотится в груди, но я ни разу не закричал. Я принимаю боль и прячу ее глубоко внутри. Храню, чтобы использовать как подпитку для себя. Моя жизнь была построена на боли, боли, что я верну назад моим врагам. Боли и страдания, что я копил для полковника. Когда охранники отстегивали наручники, я ругнулся — единственный звук, вырвавшийся сквозь мои губы. Удовлетворенно, потому что знаю — однажды эта боль выйдет. Однажды, когда я возьму полковника за горло. Это всего

лишь еще один эпизод боли и ненависти в моей жизни, который он создал, и я верну ему каждую секунду. Да, каждую.

Четыре дня мучений, прежде чем я начинаю хотя бы думать в больнице. Башни, со спиной, замотанной в сточенные морской водой бинты. Ублюдочно больно, но соль помогает заживить мои рваные раны. Тюремный врач, Стронберг, положил несколько швов на худшие рубцы, но моя спина онемела и я этого не чувствую. На следующий день после того как я выхожу из больницы, я начинаю планировать свой побег.

Есть только один выход из башни, на крыше. Если я смогу пробраться туда, возможно, с веревкой или еще чем, у меня будет возможность перебраться через внешнюю стену и укрыться в безопасном месте. Есть одна проблема. Единственный путь к крыше — лифт. Я должен найти какой-то способ получить контроль над лифтом достаточно долго, чтобы достичь вершины. Пока не уверен, как это сделаю, но знаю, что понадобится хоть какое-нибудь оружие. Я должен придумать

способ изготовить оружия, незаметное и смертоносное.

Ответ приходит ко мне во время обеда на следующий день. Как они всегда делали, охранники забирают ножи первыми, тщательно наблюдая за их количеством. Я никогда не получу один из них. Тем не менее, ложки просто убрали с остальной посудой, не обращая на них особого внимания. На следующий день за завтраком я делаю первый шаг.

Все закончили с кашей, включая моего сокамерника, который сожрал все раньше на одном дыхании. Рядом со мной худой человек, с рыжими волосами и вытянутым лицом. Если честно, я не замечал его раньше, всегда пялился на машинку для обжирания на скамейке напротив. Сегодня, однако, он стал объектом моего внимания.

Я встаю на ноги с ревом, ломаю посуду и бросаюсь на него.

«Что ты сказал о моей матери?» — я хватаю ворот его арестантской жилетки. Он рычит на меня, пытается нанести удар, я отвожжу голову так, что его кулак

врезается в жесткую часть моего лба. Я подбрасываю его вверх и кидая на стол, раскидывая вокруг еще больше тарелок, ложек и холодной каши... Заключенный, сидевший правее и напротив, бросается на меня через стол, но я поднимаю тощего парня вверх, так что удар попадает только по лицу. Отпустив его, оборачиваюсь к человеку слева, видя краем глаза, что Марн отправляет полежать напавшего на меня.

Скоро вокруг меня дерутся семь или восемь человек. Один из них бьет мне в подбородок, я уклоняюсь, кидаясь под скамейку и прокатываюсь под столом на скамейке и прокатки в соответствии с таблицей. Я быстро хватаю одну из отброшенных ложек и засовываю в сапог, подтягиваю голенище, чтобы скрыть глиняную ручку. Я отсиживаюсь там около половины минуты, а затем вылезаю, когда охрана разнимает драку. Один из них хватается за меня и толкает в сторону. «Убери этот бардак наверху, нарушитель!» — рычит он, указывая на разбитые тарелки и разбросанные столовые приборы.

«Конечно, сэр, простите» — бормочу, упав на колени, подбираю осколки треснувшей керамики и собираю ложки. Я остаюсь убирать перевернутую столовую, пока другой охранник не поскальзывается на металлической миске и не говорит мне бросить всё это.

«Сегодня останешься без ужина, Кейдж» — говорит охранник с миской. «Если ты не можешь есть, не превращаясь в животное, то есть ты не будешь вообще».

«Извините, сэр, я прошу прощения еще раз. Я пересмотрю свое поведение» — в глубине души я счастливо улыбаюсь. План начинает работать.

Три ночи я украдкой превращаю край ложки в острое лезвие. Скрип теряется в хранилище Марна, ночью я часами провожу ложкой по кирпичной стене и обратно, под кроватью, чтобы проверяющие случайно не нашли следов. Еще четыре дня судорожного тренинга уходят на то, чтобы превратить конец ручки в точку. Отличная штука для прокалывания горла и легких. Когда с этим орудием всё становится ясно, я

переношу внимание на то, что буду делать дальше.

Лифт останавливается на этаже только когда приходит время для приема пищи, гигиенических процедур или прогулки, и то — вокруг всегда куча охранников и грурых заключенных. Конечно, слишком много людей для эффективной попытки побега. Мне нужно придумать какой-нибудь способ, чтобы охранники специально посетили меня, лучше только один или двое, и как-то заставить их открыть дверь камеры.

После двух бессонных ночей под непрерывающийся храп Марна ответ приходит ко мне. Когда я думаю об этом, мое лицо раскалывает ироническая улыбка. Я встаю в тусклом свете, проходящим через щель под дверью, и беру подушку с постели. Стою над Марном, просчитываю варианты и решаю, что этот — лучший. Наклоняюсь и помещаю подушку на его лицо, но чуть-чуть толкаю, чтобы не вспугнуть. Он на мгновение просыпается, большие глаза смотрят с ужасом, а через несколько секунд нехватка

воздуха толкает его в бессознательное состояние. Я убираю подушку и убеждаюсь, что он все еще дышит, но лишь чуть-чуть. Я пока не хочу, чтобы он умирал. Взяв самодельный нож, спрятанный под матрацем, я поворачиваю Марна на бок. Считаю его ребра и помещаю заостренный конец ложки между пятым и шестым, легко скользя, прокалывая легкие. Выдергиваю его, а затем сажусь на кровать и жду.

Через несколько минут его дыхание становится все более и более тяжелым, а затем капли крови начинают появляться на губах. Вскоре она начинает биться в ритм и я решаю, что пора действовать.

Бегу к двери, кричу сквозь решетку на охранника, разместившегося несколькими дверями дальше.

«Быстрее!» — зову я. «Что-то случилось с Марном. Думаю, у него опна, или еще что-нибудь»

Охранник идет ко мне с лицом, исполненным подозрения.

«Посмотрите на него» — говорю я, отходя от двери. Он светит переносной

латной через решетку на Марна, небольшой круг света останавливается на его лице и малиновой струйке изо рта. Охранник ругается, и я слышу его шаги через площадку. Проходит еще несколько минут, прежде чем лифт лязгает в шахте, а затем с ржавым скрипом охранник открывает дверь. Еще три или четыре напряженные минуты до возвращения лифта.

«Назад в гальний угол, Кейдж» — слышу приказ охранника, и я делаю, как он говорит, держа сзади в руках заостренную ложку.

Звон ключей, дверь открывается. Стоят три охранника и между ними — медик. Он одет как куратор, один из заключенных-подхалимов перед губернатором и его окружением, получивших дополнительные обязанности. Они входят и наклоняются над Марном, проверяя его дыхание. Я жду, готовый действовать, пока охранники глядят на моего утирающего сокамерника.

Три шага, и я пересекаю камеру, разрубая лезвием яростную вену

ближайшего охранника, кровь фонтанирует во тьме. Я пинаю следующего охранника в грудь, отбрасывая его к стене, обхватывая горло испуганного куратора, держа острый конец ложки напротив его правого глазного яблока. Третий охранник замирает с рукой, тянувшейся к пистолету на поясе.

«Один неверный шаг, и он умрет» — кричу я, пока встает на ноги отброшенный охранник, и лицо его в ужасе под густой копной черных волос.

«Какого флага ты творишь, Кейдж?» — спрашивает он тихо, отводя глаза от трупа товарища.

«Назад, в коридор, репозитории» — говорю им, напрягая руку, держащую медика, а тот визжит.

«Тебе нигде не уйти» — продолжает черноволосый охранник, пытаясь обойти меня справа, но я поворачиваюсь на каблуках, волоча за собой куратора, чтобы держать его в поле зрения.

«Я сказал — назад!» — ору, вбивая ложку куратору в глаз, он недолго кричит перед кончиной. Я бросаю тело на убитого

охранника и хватаю другого, который вытаскивает пистолет до того, как мои руки впиваются в его и дергают вверх под треск костей. Я вырываю у него оружие, он падает назад, обнимая руку, я обращаюсь к оставшемуся охраннику.

«Не стой» — предупреждаю я, направив дуло пистолета ему прямо между глаз.

«Бросай пушку» — говорю я, и он делает, как сказано, растягивает ремень и дает ему с грохотом упасть на пол. «Теперь на выход» — указываю ему на дверь, бросаю взгляд на парня со сломанной рукой, но он упал на пол и всхлипывает. Забросив его оружие через плечо, я иду за охранником по коридору.

Мы проходим к лифту, и я толкаю его внутрь до того, как двери закрываются за нами. Перебрасываю пистолет в левую руку, чтобы он оставался на прицеле, я дергаю рычаг вправо, и лифт с грохотом начинает движение.

Этаж за этажом мучительно ползет вверх по центру башни, путь лифта обозначен освещенным циферблатом над

дверью. Примерно на двадцатом этаже
начинает реветь сигнализация,
предупреждающая о побеге.

Охранник с удовольствием замечает
«Это за тобой. Они получили приказ
убить тебя, если будешь сопротивляться.
Сдавайся, или подохнешь»

«Ты этого не увидишь» --- говорю я,
нажимаю спусковой крючок, и половину его
лица просто сносит. Пока эхо от выстрела
звучит вокруг, лифт скрипит,
останавливаясь, а затем начинает
опускаться. Отчаянно дергаю рычаг, но,
должно быть, есть какое-то внешнее
управление. Я осматриваю кабину и
замечаю служебный люк в потолке.

Затыкаю пистолет за пояс,
подпрыгиваю и выбиваю панель. Еще раз
подпрыгнув, хватаюсь за край и
подтягиваюсь, оказываясь на крыше
лифта. Надо мной, тускло освещенный
редкими мигающими лампами, вверх
тянется шахта. Я вижу двери на других
уровни, и, идя по краю, смотрю вниз и вижу
свет, льющийся из нескольких входов, что
недалеко ниже, где охранники заставили

двери открыться. Я не могу оставаться тут, слишком легкая мишень.

Вижу небольшую лестницу для обслуживания шахты, до нее совсем чуть-чуть. Не трудно схватить одну ступень. Пока я медленно опускаюсь, и подтянуться на ней. Вытаскиваю пистолет, целю в механизм торможения уходящего лифта и дважды стреляю. Шипение гидравлики в трубе, и лифт набирает обороты, ускоренно опускаясь по шахте. В течение нескольких секунд я лезу вверх, а потом в ухо врывается шум потрясающей аварии внизу, когда лифт доходит до низу.

Я поднимаюсь так быстро, как могу, всё больше света заливает в шахту из открытых дверей выше и ниже меня. Что-то рикошетит от стены рядом со мной, сопровождаемое резким треском пистолета. Свистят еще пули, трассирующие снаряды, некоторые из них проходят близко, другие далеко. Охранники не могут видеть меня, они целят вслепую. Я поднимаюсь на несколько этажей, вокруг пальба и крики, делаю паузу, чтобы отдышаться. В этот момент дверь

напротив открывается, и я остаюсь висеть лицом к лицу с двумя кураторами и парой охранников.

Я реагирую первым, достаю пистолет и опустошаю обойму, сбивая их с ног градом пуль. Сверху в меня начинают стрелять, и я прыгаю с лестницы в небольшую служебную нишу слева. Вжимаюсь в нее, бросаю опустошенный пистолет вниз, в шахту, достаю из-за пояса дробой.

Сижу на корточках на краю ниши, несколько раз стреляю вверх, целясь в прямоугольники света открытых дверей. Крик — это упал охранник, летит мимо меня. Понимаю, что это лишь вопрос времени, когда они меня возьмут, если я останусь здесь, прыгаю обратно на лестницу и продолжаю восхождение.

Мои плечи и руки горят, когда я поднимаюсь со ступеньки на ступень, раны на спине открываются вновь и кровь пропитывает жилет. Я иногда останавливаюсь, стреляю в охранников, смотрящих на меня и палящих из дверей выше, достигаю некоторого успеха.

подавляя их огнем.

Я поднимаюсь, возможно, на пару десятков этажей, когда цепи лифта приходят в действие, так что я думаю, авария не вывела его из строя навсегда. Я прилагаю свои усилия, дергаюсь со ступеньки на ступеньку, пытаюсь обогнать приближающийся лифт, пока меня поливают стрельбой сверху.

Выстрелы, еще больше выстрелов, взглянув вниз, я вижу стреляющих через открытый люк лифта, на десять этажей ниже. Я отвечаю им, оказавшись под ужасным перекрестным огнем. Отчаявшись подняться по лестнице, жду, пока лифт не окажется всего в нескольких этажах ниже, отпускаю лестницу и прыгаю на крышу. Приземляюсь под грохот сапог, автоматически поворачиваюсь, падаю в открытый люк прямо на охранников внутри.

Стреляю одному в живот, в упор, прикладом бью по лицу второго. Третьему крушу горло, перебивая дыхание. Другой уже лежит на полу, с дырой в груди. Я стою, тяжело дыша, пока лифт

продолжает путь наверх, поднимая меня на вершину башни.

Прежде чем достичь последнего уровня, я привожу рычаг в среднюю позицию, и под протестующий визг тормозов лифт останавливается. Вылезаю на крышу, я подтягиваюсь до двери на последнем этаже. С двумя пистолетами, позаимствованными у убитых в лифте охранников, прижимаюсь к внутренней стороне двери, пытаюсь обнаружить любое движение с той стороны. Ничего не слышу и не вижу.

Я толкаю плечом двери, и они распахиваются, охранник по ту сторону испуганно визжит, когда одна из них падает прямо на него. Я врываюсь сквозь дыру, скрестив руки, паля из двух пистолетов, пока оружие не раскалилось от стрельбы. Еще три трупа остывают на полу, а я бегу на крышу.

Жуткая буря, молнии освещают все вокруг, раскаты грома. Ветер воет над башней, покалывания мою плоть наметенным песком и пылью. Сзади различаю крики и осознаю, что еще есть

охранники на вахте. Я не обращая на них
никакого внимания, бегу к краю. Я буду
спускаться на руках, если понадобится.

Я вскакиваю на паранет, что
окружает крышу, и останавливаюсь. В
свете бури я смотрю на Гобул. Башня
тянется далеко вниз. Вокруг безликие
пустые равнины. Всё серое и каменистое,
без естественных убежищ, без укрытий,
чтобы спрятаться, нечего пить, жрать
ничего, просто пустая порога и гравий.
Насколько хватает глаз. Молнии
показывает мне, что равнина
простирается далеко вдаль. Нет ни
холмов, ни гор, ничего, просто огромная
пустошь.

Некуда идти.

Я слышу крики за спиной и воющие
выстрелы. Поднимаю руки над головой, и
пистолеты выпадают из моих онемевших
пальцев.

Некуда идти, нечего делать, кроме
как ждать здесь полковника.

Полковник. Когда я думаю о нем, во
мне вспыхивает боль, гнев сдавливает мои
кишки и грудь. Я сжимаю кулаки, пока

приближается охрана, и ору в бурю.

«Шеффер!» — ору я. «Давай сюда, ублюдок!»